

Университетский человек

Окончание. Начало см. в № 1

Студенты поняли:

«Регель решил спрятать ценнейшее имущество (палеонтологический, минералогический, геологический музей, часть фундаментальной библиотеки и многое другое) и укрыть его от передачи Эстонии. Ночью к заводу подали два товарных состава, и латышские воинские части погрузили имущество на платформы, оба состава были отправлены в тупик ст[анции] Анна или Тойда, точно не помню. Из Москвы было получено правительственное распоряжение отправить имущество через Москву в Эстонию. А имущества не оказалось. Местным властям было приказано (а им все было известно) найти имущество, и Губисполком вынужден был выполнить приказ СНК. К эшелонам прицепили паровозы, и они ушли в Москву, где его приняли представители Эстонии».

За возврат университетского имущества в Эстонию был Ленин, против — Луначарский. Что-то вернули, что-то удалось оставить. Рассказывают, что умный Регель раскассировал коллекцию древностей, и теперь она составляет основу экспозиции Воронежского областного художественного музея имени И.Н. Крамского.

Коллекцией исторических ценностей Василий Эдуардович Регель гордился. Уже сдав ректорский пост, он стал заведующим Музеем изящных искусств. Гостям ВГУ Регель непременно показывал университетский музей. Мы вновь предоставим слово доценту Л.Г. Менину:

«У Регеля был сын, тоже профессор, который жил в Италии. Сын просил его приехать, Регель уже не был ректором. Тогда у власти был Муссолини. Регель обратился к местным властям с просьбой о визе на право выезда в Италию (выездной визе. — М.Ш.), обещал приехать обратно. Ему объявили, что дадут визу, если за него поручатся два члена большевистской партии. И такие нашлись, нашлись коммунисты (а они очень рисковали), которые доверяли Регелю и выдали поручительства, это были д-р Лурье, ассистент кафедры глазных болезней и, кажется, д-р Слободской, впоследствии директор Рентгеновского института. Регель вернулся. Он рассказывал, что в Италии его очень просили остаться, но он сказал, что обещал вернуться, что за него поручились два коммуниста, что он не вправе подводить людей, которые ему доверили. А ведь мог легко не вернуться? Регель находил общий язык с местными властями в серьезных вопросах и, к слову сказать, он всегда присутствовал как представитель науки, почти на всех областных съездах Советов, заседаниях Горсовета и на других торжественных собраниях, которые обычно проходили в Драматическом театре. Для него было всегда место в ложе партера».

В 1930 г. Регель уехал в Литву, в Каунас, к брату, который был заведующим Ботаническим садом. Скандала не получилось: даже став эмигрантом, Василий Эдуардович Регель остался в добрых отношениях со всеми властями! Умер он в 1932 г.

«ИСХОД ВОРОНЕЖСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

Предшественник Регеля на посту ректора, профессор Алексеев, ушел вместе с белыми. Тем самым на долгие десятилетия эта фигура была исключена из официальной историографии университета.

Ушел не он один. Тогда даже говорили о таком событии, как «исход воронежской интеллигенции», одним из вдохновителей этого исхода была воронежская писательница В.И. Дмитриева.

Нас это сейчас интересует по той причине, что в научных кругах Воронежа

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ
ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

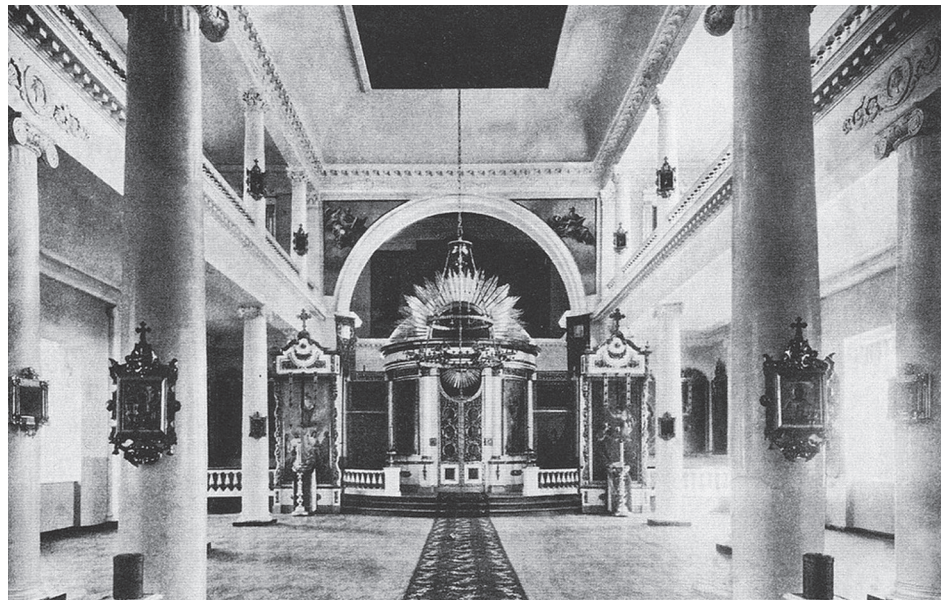
Михаил ШТЕЙНБЕРГ

тех лет ходил слух, будто бы Елена Александровна Цвет бежала к Деникину. Или собиралась бежать. Впоследствии она действительно уехала на юг, но политическим демаршем это, по всей видимости, не было. Елена Александровна уехала к своей матери, которая жила вместе с Н.С. Лященко — сестрой Михаила Семеновича. Слух есть слух, сплетня есть сплетня, но мы уже видели, какой комфортной была жизнь семьи Цвет при советской власти... Да и то сказать: после смерти профессора Цвета в Воронеже Елену Александровну Цвет уже ничто не удерживало. Конечно,

отъездом в 1915 году на юг! Теперь туда за ними специально едет Э. Ледерер. Он был и в СССР, где рассказал об удивительных опытах профессора Цвета академику А.Н. Баху, который дает задание аспиранту Манойлову освоить «новый-старый» метод хроматографического анализа. Манойлов сумел выделить из арбуза целых семь каротиноидов, а также описать превращение каротина в витамин А. Потом в Харьковском университете Н.А. Измайлов и М.С. Шрайбер разработали методику тонкопленочной хроматографии.

Первая в СССР ионообменная установка для получения глубоко обессоленной воды была спроектирована, а затем построена В.П. Мелешко и его учениками совместно с Воронежским заводом радиодеталей (ВЗР). Это позволило в дальнейшем рекомендовать ее в качестве прототипа для изготовления более 50 подобных установок на предприятиях машиностроения и оборонной промышленности. Многие из этих установок работают и сейчас.

Сегодня коллектив кафедры аналитической химии также продолжает научные традиции профессора Цвета. Здесь

Домовая церковь Воронежской военной гимназии

здесь осталась могила мужа — но возможности найти средства к существованию здесь, очевидно, у нее не было. Уехала налегке... С собой она взяла только бумаги Цвета, некоторые препараты из его лаборатории и семейные фотографии.

Умерла Елена Александровна Цвет в 1922 году. Во время Великой Отечественной войны погибли практически все вещи М.С. Цвета, за исключением нескольких фотографий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А хроматографический анализ уже начинал завоевывать всеобщее признание. Попытки оспорить авторство М.С. Цвета были, куда же без этого, но они не увенчались успехом. Уже к началу 1930-х гг. многие ученые активно исследовали каротиноиды, был открыт витамин А. Вот что что пишет Э. Ледерер: «В книге Пальмера "Каротиноиды и пигменты" <...> упоминалось о методе Цвета и некоторых его применениях. Я рассказал об этом Куну, у которого, к счастью, был немецкий перевод книги Цвета, сделанный Вильштетером. Именно из этой рукописи мне удалось почерпнуть все необходимые детали. В декабре 1930 года я приготовил колонку, заполненную порошком карбоната кальция...». Так Р. Кун в Гейдельберге воспроизвел опыт профессора М.С. Цвета. Тогда же методом Цвета в своих экспериментах воспользовались Л. Цейхмейстер (Венгрия) и П. Каррер (Швейцария).

А тем временем в Варшаве так и лежали рабочие тетради М.С. Цвета, которые он оставил там перед своим

На Западе ученые Дэвидсон и Чардафф сделали еще один шаг вперед, применив в качестве адсорбента ионообменные смолы; Мартин и Синг разработали метод распределительной хроматографии и теорию хроматографических процессов.

Как прав был академик Л.Д. Ландау, который сказал, что метод важнее, чем открытие, потому что открытие — это нечто разовое, а с помощью нового метода можно совершить много открытий! Сегодня метод профессора М.С. Цвета применяется в химии и биохимии, медицине, ядерной физике, фармацевтике... По результатам этих работ было получено *восемь Нобелевских премий* — П. Каррером (1937), Р. Куном (1939), Л.С. Ружичкой и А.Ф. Бутенандтом (1939), А. Дж. Мартином и Р.Л.М. Сингом (1952), Ф. Сенгером (1958 и 1980).

В Воронеже традиции исследования химических веществ хроматографическим методом нашли свое продолжение в работах ученых ВГУ. Первым из них следует назвать профессора В.П. Мелешко, ставшего основателем современной воронежской школы ионитчиков — так на химфаке в шутку называют ученых, которые работают в этом направлении. Они много лет посвятили исследованиям закономерностей ионного обмена, выделению веществ из различных органических отходов, утилизации ценных компонентов из отработанных электролитов и сточных вод гальванического производства, получению и концентрированию микрокомпонентов из отходов микробиологического пищевого производства.

Она же — в качестве читального зала ВГУ

проводятся исследования, связанные с изучением закономерностей ионного обмена и мембранных процессов. Эти работы ведутся под руководством профессоров В.Ф. Селеменова, В.А. Шапошника, О.В. Бобрешовой, Д.Л. Котовой и Е.В. Бутырской. Много лет кафедра является ведущей организацией в секции «Ионообменная хроматография» в Российской академии наук. Выходит журнал «Сорбционные и хроматографические процессы», в котором печатаются работы отечественных и зарубежных исследователей.

История хроматографического анализа продолжается!

А могила М.С. Цвета, как мы уже знаем, давно утрачена.

Стараниями московского профессора К.И. Сакодынского на территории Алексиево-Акатова монастыря был установлен памятный знак с надписью, сделанной на диковинной смеси старой и новой орфографий.

Улицу Халютинскую давно переименовали в Батурическую — в честь Н.Н. Батурина (настоящая фамилия Замятин), революционера, историка коммунистического движения, одного из редакторов газеты «Правда» еще с дореволюционным стажем. Вот уж правильно говорят, что «бывают странные сближенья»: генерал Халютин, герой войны 1812 года, участвовал в подавлении польского восстания, а Замятин-Батурин был в польскую кампанию начальником Отдела военной цензуры Реввоенсовета Республики. Понятно, что улицы, названной в честь Михаила Семеновича Цвета, нет в Воронеже до сих пор.

